

проектам реформирования гражданско-правового статуса италийцев при не столь явно выраженном негативном отношении к другим инициативам Гая Гракха [10, с. 110–112]. Реакция сената объясняется в первую очередь стремлением сохранить существующее положение вещей.

Таким образом, в 120-е гг. актуальная аграрная реформа и кризис с участием италийских союзников вокруг её реализации спровоцировали выдвижение реформаторски настроенными политиками-гракханцами предложения об уравнивании италийцев с римскими гражданами. Постепенно это предложение из тактической уловки превратилось в важнейший вопрос на повестке дня в Риме и спровоцировало серьёзное обострение внутривнутриполитических противоречий.

Библиографические ссылки

1. Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I. New York : American Philological Association, 1951.
2. Brunt P. The Fall of the Roman Republic and related essays. Oxford : Clarendon Press, 1988.
3. Keaveney A. Rome and the unification of Italy. 2nd ed. Liverpool : Liverpool University Press, 2005.
4. Konrad C. F. From the Gracchi to the First Civil War (133-70) // A Companion to the Roman Republic. Oxford : Blackwell, 2006. P. 167–189.
5. Lintott A. Political history, 146–95 B. C. // Cambridge Ancient History. 2nd ed. Vol. IX: The Last Age of the Roman Republic, 146–43 BC. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. P. 40–103.
6. Stockton D. The Gracchi. Oxford : Oxford University Press, 1979.
7. Ungern-Sternberg J. The Crisis of the Republic // The Cambridge Companion to the Roman Republic. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. P. 89–110.
8. Williamson C. The Laws of the Roman People. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2005.
9. Лапырёнок Р. В., Сморгачев А. М. Кризис 129 г. до н. э. и судьба аграрной реформы Тиберия Гракха // Вестник древней истории. 2014. № 3. С. 47–58.
10. Монзуль В. Ю. Отношение римского сената к проектам реформы гражданско-правового статуса италийских союзников в 120-е гг. до н. э. // Актуальные вопросы изучения и преподавания истории, социально-гуманитарных дисциплин и права: материалы международной научно-практической конференции (Витебск, 26-28 апреля 2018 г.). Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. С. 110–112.
11. Нечай Ф. М. Рим и италийцы. Минск : Изд-во Министерства высшего, среднего специального и профессионального образования БССР, 1963.

К ДИСКУССИИ О ПОЛИТИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ ФИНАЛЬНОЙ СЦЕНЫ «ЭНЕИДЫ» ВЕРГИЛИЯ

Д. А. Усов

Ярославль, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, usovda1996@gmail.com

Статья посвящена анализу финальной сцены «Энеиды» Вергилия и интерпретации ее политического смысла. Автор приходит к выводу, что концовка произведения, помимо высокой оценки режима Августа, содержит критику методов утверждения власти императора.

Ключевые слова: Вергилий; «Энеида»; Эней; Турн; Октавиан (Август); Принципат; стоицизм.

The article is devoted to the analysis of the final scene of Virgil's "Aeneid" and the interpretation of its political meaning. The author concluded that in addition to praising the regime of Augustus the ending part of the work contains criticism of the methods of asserting the emperor's power.

Keywords: Virgil; "Aeneid"; Aeneas; Turnus; Octavian (Augustus); Principate; stoicism.

«Энеида» Вергилия – произведение сложное и многослойное. Художественный, мифологический, философский и политический аспекты поэмы тесно переплетены и в то же время (о чем не стоит забывать) не тождественны друг другу; и одностороннее отношение к «Энеиде» как к своего рода политическому трактату – «как будто поэты старались на каждом шагу сделать по политическому утверждению» [1, с. 155], – на наш взгляд, неправомерно. В связи с этим под политическим смыслом финальной сцены «Энеиды» мы подразумеваем именно тот содержательный пласт произведения, который раскрывает отношение Вергилия к Октавиану Августу и созданной под его началом политической системе. Рассмотрим, каково было это отношение.

Финал «Энеиды», неоднозначный и двусмысленный, вызывает множество вопросов. Мифический предок Августа Эней в сражении за италийские земли, предназначенные судьбой для основания Рима и начала рода Юлиев, побеждает своего главного антагониста – царя рутулов Турна (Verg. *Aen.* XII. 913–929). Поверженный противник просит либо пощадить его, либо (на что часто не обращают внимания исследователи) отправить его бездыханное тело отцу (*Aen.* XII. 930–938). Эней мгновение колеблется, но заметив на плече молящего пояс (перевязь для оружия, *balteus*) Палланта, своего юного друга и протеже, побежденного Турном, предок Августа загорается яростью (...*furiis accensus et ira terribilis*... – *Aen.* XII. 946–947) и убивает ненавистного врага (*Aen.* XII. 938–952). Но выполнил ли Эней другую просьбу Турна? Исполнил ли долг победителя? Вернул ли тело поверженного его отцу? Этого мы не знаем. Вергилий сохраняет многозначительное молчание, тем самым усиливая двусмысленность финала.

Конечно, можно сослаться на известный факт о незавершенности поэмы и этим попытаться объяснить подобные недоговоренности. Однако, как на примере анализа поэтики финала в структуре произведения показала Т. Ф. Теперик, даже если на словесном уровне финал дописан не до конца, то концептуально он завершен, что следует из его связи с началом поэмы [4, с. 7]. На его концептуальную завершенность указывает и философская основа поэмы, о чем будет сказано ниже.

В историографии существуют три подхода к пониманию финальной сцены. Одни авторы полагают, что Эней поступил правильно: убийство Турна было необходимым актом мести за гибель Палланта, совершенном в соответствии со священным долгом по отношению к его отцу Эвандру [12, с. 209–210]. Другие считают, что предок Августа совершил трагическую ошибку: он теряет свое лицо и терпит полное моральное поражение, уподобляясь своему врагу [11, с. 18]. Наконец, в рамках третьего, примирительного подхода утверждается, что представленные выше точки зрения не исключают друг друга: Эней побеждает и одновременно терпит неудачу; с точки зрения Р. Эджуорта и Р. Стема, намерение Вергилия заключалось в том, чтобы читатель почувствовал и ужас от морального падения Энея, и спокойствие – ведь предок Августа своим поражением обеспечил надлежащий эсхатологический порядок событий (*eschatological order of events*) [8, с. 8]. Переломный момент финальной сцены – взгляд Энея на пояс Палланта, который Турн снял с тела поверженного юноши. Для понимания политического смысла финала данная деталь и, главное, мифологический сюжет, изображенный на поясе, принципиально важны. Изображено на нем знаменитое преступление (*nefas*) Данаид – залитые кровью чертоги и тела умерщвленных в первую брачную ночь супругов (*Aen.* X. 497–499). Согласно одной из версий данного мифа, отец сестер Данай, чтобы прекратить войну между Аргосом и Египтом, был вынужден выдать пятьдесят своих дочерей за сыновей своего брата, правителя Египта. Однако в брачную ночь все Данаиды, за исключением одной, по наставлению отца убивают Египтиадов, за что после своей смерти в качестве наказания вынуждены наполнять водой бездонный сосуд в царстве Аида [2, с. 97–101]. Важно, что изображение Данаид, указывающее на этот же сюжет, было представлено на стене портика храма Аполлона, посвященного, согласно источникам, решающей победе Октавиана над Антонием при мысе Акций (Dio. Cass. LI. 1.2.; Suet. *Aug.* 18.2; Strab. VII. 7.6; Verg. *Aen.* VIII. 704). О существовании данного изображения сообщает Овидий. Он пишет, что между колонн храма были изображены пятьдесят Данаид, намеревавшиеся убить своих *братьев*, и Данай, грозно стоявший рядом (Ovid. *Trist.* III. 1.60–62; *Ars. Am.* I. 73–74). То же самое мы узнаем от Проперция (Prop. II. 31.3–4). Из существования подобного изображения в символическом комплексе храма Аполлона следует, что при помощи данного мифа Рим рассказывал историю своей победы над Египтом. И поскольку отсылку к этому же мифу мы встречаем в финальной сцене Энеиды, нужно полагать, что тем самым Вергилий намекает как минимум на сходство между двумя событиями: между победой Энея над Турном и победой Октавиана над Антонием [11, с. 15–16]. Такая аллюзия не могла не придать эпической сцене злободневного политического окраса. К тому же, близкое родство между Данаидами и Египтиадами – а именно такую версию мифа приводит Овидий, – как и между воюющими троянцами и италийцами, должно было вызывать у читателя понятные ассоциации с недавними политическими событиями в самом Риме.

Однако, несмотря на один и тот же сюжет, представленный на поясе Палланта и на стене портика, сами изображения все-таки отличаются. Как справедливо заметила С. Спенс, в фокусе сцены, отчеканенной на бляхах пояса, находятся не дочери Даная, но изуродованные тела

сыновей Египта – подобно тому, как в самых последних строчках Энеиды в центре нашего внимания оказывается не победитель Эней, но бездыханное тело Турна. Из этого следует, что изображение повествует вовсе не о победе, а о кровавой бойне (bloody slaughter). С точки зрения исследовательницы, храм Аполлона раскрыл лишь часть истории победы Октавиана над Антонием, и «Энеида» ее дополнила, сделав акцент на жестокости, но не героизме [11, с. 17]. По выражению О'Хиггинс, поддержавшей данную интерпретацию, изображения победы в образе Данаид и поражения в образе сыновей Египта, дополняя друг друга, образуют две стороны одной монеты [9, с. 70]. В итоге С. Спенс пришла к «пессимистическим» выводам. По мнению исследовательницы, введя изображение окровавленных тел Египтиадов в финал произведения, Вергилий не только сделал явными скрытые аспекты победы Августа, но и, показав, что между победителем и его жертвой нет существенной разницы, попытался сказать, как незначительна такая победа [11, с. 18]. По мнению Р. Эджуорта и Р. Стема, согласно концовке «Энеиды», долгожданное будущее частично основывается на злодеяниях, и иначе быть не может. Данаиды последовали воле отца, проявив *pietas* (благочестие), и вместе с тем совершили ужасный поступок (*nefas*), убив своих братьев. То же совершил Эней, последовав воле убитого горем Эвандра. Пояс Палланта помогает осознать, что *pietas* и *nefas* неразрывно друг с другом связаны [8, с. 9–10].

На наш взгляд, представления о моральном падении Энея несколько преувеличены. Чтобы это понять, необходимо обратиться к философскому основанию поэмы. В это время в Риме имела широкое распространение философия Стои [6, с. 57, 61]; и в отличие от эпикуреизма идеи стоицизма не разлагали традиционные римские ценности, а, напротив, способствовали их укреплению, будучи близкими им по духу [3, с. 288–290]. Есть все основания полагать, что стоицизм был важной составляющей мировоззрения Вергилия. Именно поэтому «Энеида» пронизана духом стоической философии. Эней – герой с новой «стратегией» поведения [5, IV], герой со священной миссией и послушный року (*Aen.* I. 263–296, IV. 275–276, 229–231). Эней-гражданин готов сражаться и погибнуть за Трою (*Aen.* II. 352–354); он же внушает в сердца троянцев ярость и готовность к битве (*Aen.* II. 355–360). Однако Эней-стоик, склонившись перед своей судьбой, тождественной воле Юпитера, отступает из родного города (*Aen.* I. 380–382); он же укрощает гнев жаждущих крови дарданцев, выступая в роли разумного противовеса неразумному гневу (*Aen.* IX. 38–46). По ходу своего развития Эней обретает важнейшие стоические добродетели – *iustitia/pietas* (справедливость/благочестие), *prudentia* (мудрость), *modestia* (умеренность), *fortitudo* (храбрость) [7, с. 11–16]. И, поддаваясь гневу в финальной сцене (как и в некоторых других, следующих за гибелью Палланта, – *Aen.* X. 523–605), предок Августа в первую очередь изменяет своей *modestia*, но, завершая миссию, торжествует как *pius vir* (благочестивый муж). На наш взгляд, прав М. Путнэм, когда пишет, что неправильный поступок Энея заключается не в том, что он убивает Турна, а в том, что он полностью отдается ярости, тем самым примеряя на себя маску самой Юноны [10, с. 190–201]. Эней не хотел войны с италийцами, не желал ее и Юпитер (*Aen.* X. 5–9); неоднократные выпады против войны встречаем мы на протяжении всего творческого пути Вергилия (*Ecl.* I. 11–13; IX. 2–6, 11–12; *Georg.* I. 506–514; II. 458–460, 538–540; *Aen.* VII. 323–358; X. 5–8; XI. 362) – и странно было бы ожидать от автора одобрения яростного ведения боя. В финальной книге, когда Турн нарушает священный договор о сражении с Энеем (*Aen.* XII. 311–330), и последний впадает в безумство, разя италийцев без разбора (*Aen.* XII. 497–499), Вергилий выражает сомнение в причастности к этому воли Юпитера (*Aen.* XII. 503–504). Любопытно, что буквально перед описанными выше событиями Эней, в очередной раз выступая в роли разумного начала, сам призывает тевкров сдерживать свой гнев (*Aen.* XII. 311–315). Очевидно, что война разжигается по воле Юноны. Именно Юнона, движимая гневом, ненавистью и обидой на Венеру, чья красота на суде Париса была оценена выше (*Aen.* I. 25–27), руководит Турном, подобно тому, как Юпитер руководит Энеем. Цель Юноны – отомстить Венере, погубив ее сына; и Турн обречен стать жертвой такого рока. Из этого следует, что противостояние Энея и Турна – это борьба между разумной волей Юпитера и неразумной волей Юноны. Победа Энея и гибель Турна – закономерный итог возвышения мирового разума над силами хаоса. Поэтому сложно согласиться с выводами С. Спенс, отрицающей существенные различия между победителем и жертвой. Различия между ними представляются нам принципиальными.

Следовательно, вряд ли Вергилий относился к гневу Энея как к необходимому для достижения благородной цели злу. Гнев предка Августа показан как трагическая издержка войны, повлекшая за собой множество смертей, которые можно было избежать. На наш взгляд, политический смысл финальной сцены «Энеиды» заключается в следующем: цель, преследуемая Октавианом Августом в войне с Антонием, и политический режим, установившийся после его победы, оценены высоко, но средства ведения войны и ее издержки – подвергнуты суровой критике.

Библиографические ссылки

1. Галински К. Августовская литература и августовская «идеология»: пересмотр оценок // Шаги / Steps. 2017. № 4. С. 151–167.
2. Кун Н. А. Легенды и мифы древней Греции. М., 1954.
3. Столяров А. А. Стоя и стоицизм. М., 1995.
4. Теперик Т. Ф. Поэтика финала в структуре книги: «Энеида» Вергилия // Художественное осмысление действительности в зарубежной литературе. Вып. 6. Межвузовский сборник научных трудов. М., 2016. С. 3–20.
5. Топоров В. Н. Эней – человек судьбы. М., 1993.
6. Штаерман Е. М. Кризис античной культуры М., 1975.
7. Bowra C. M. Aeneas and the Stoic Ideal // Greece & Rome. 1933. № 7. P. 8–21.
8. Edgeworth R. J., Stem R. The silence of Vergil and the end of the “Aeneid” // The Vergilian Society. 2005. Vol. 51. P. 3–11.
9. O'Higgins D. The Emperor's New Clothes: unseen images on Pallas' baldric // Hermathena. 1995. № 158. P. 61–72.
10. Putnam C. J. The Poetry of the Aeneid. Cornell, 1989.
11. Spence S. Cinching the text: the Danaids and the end of the “Aeneid” // The Vergilian Society. 1991. Vol. 37. P. 11–19.
12. Stahl H.-P. The Death of Turnus: Augustan Vergil and the Political Rival // Between Republic and Empire. Interpretations of Augustus and His Principate. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1993. P. 174–211.

КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ СЕВЕРОАФРИКАНСКИХ ПРОВИНЦИЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ВО II в. н. э.

Г. В. Усков

Ярославль, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, ggu-03@mail.ru

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-39-90030 «Межкультурный диалог в эпоху Античности (на примере североафриканских провинций Римской империи II в. н.э.)».

В статье анализируется деятельность римской императорской власти эпохи принципата Антонинов по благоустройству североафриканских городов. На основании имеющихся данных археологии, эпиграфики и нарративной традиции автор делает вывод о том, что африканские города во II веке н.э. сочетали в себе элементы римской, греческой, берберской и пунической культурных традиций. Следовательно, при управлении Африкой принцепсы династии Антонинов не стремились к насильственному навязыванию римской культуры.

Ключевые слова: Римская империя; Северная Африка; города; культура; романизация.

The article analyzes the activities of the Roman imperial power of the Antonines epoch in the improvement of North African cities. Based on the available data of archeology, epigraphy and narrative tradition, the author concludes that African cities in the II century AD combined elements of Roman, Greek, Berber and Punic cultural traditions. During the administration of Africa, the emperors of the Antonines dynasty did not seek to forcibly impose Roman culture.

Keywords: Roman Empire; North Africa; cities; culture; romanization.

Принцепсы династии Антонинов стремились поддерживать города и городскую культуру, которую видели опорой римской власти в провинциях, вследствие чего II в. н.э. стал для городов Северной Африки временем культурного расцвета. В этот период в состав Римской империи входило почти 2000 городов [2, 181]. Африканские города внесли свой вклад в культуру Средиземноморья, став органичной частью римского мира.

В историографии римской Северной Африки можно выделить три основные точки зрения на римскую систему управления провинциями и отношения властей с коренным населением. Первый подход, с некоторыми оговорками, можно обозначить как «колониальный». Сюда